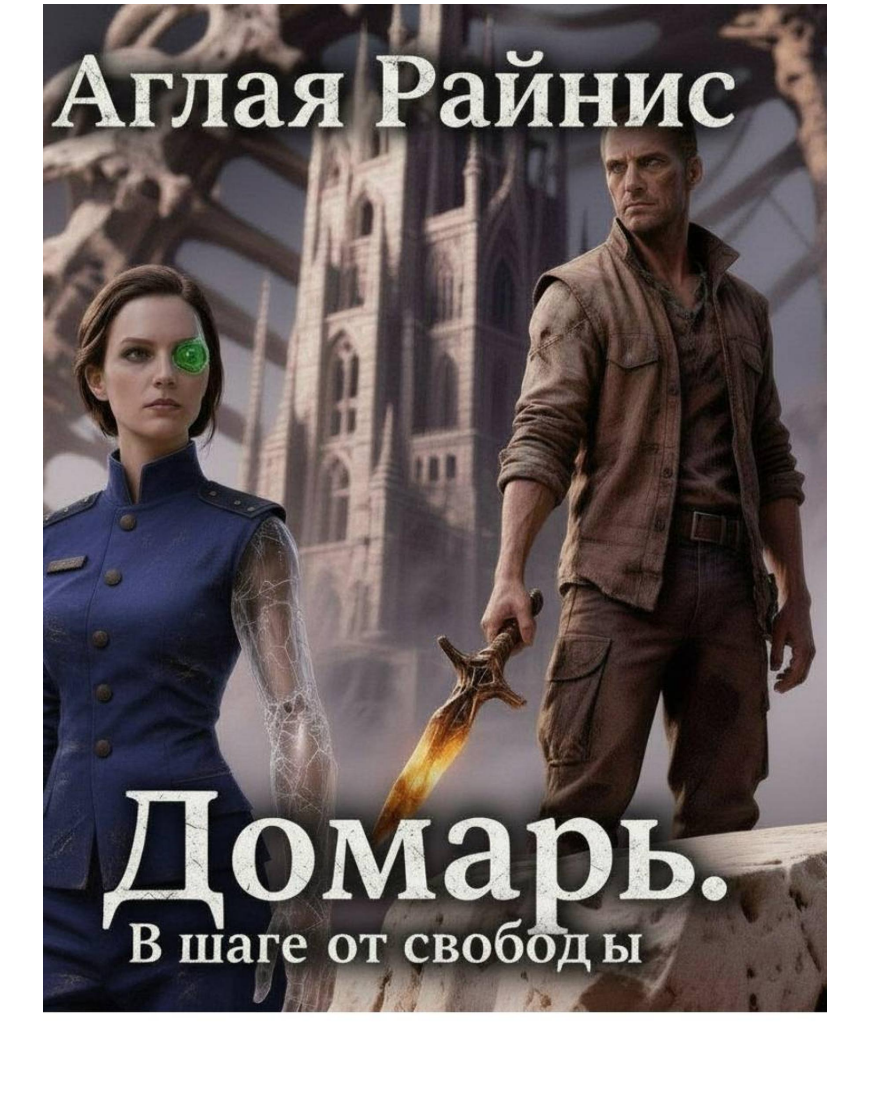

A movie poster for the film 'Domar'. The background is a dark, atmospheric scene of a large, gothic-style cathedral with many spires. In the foreground, on the left, is a woman (Aglaya Raynis) with short brown hair, wearing a blue military-style uniform. She has a green, glowing cybernetic eye and a transparent, web-like prosthetic arm. On the right is a man in a brown, worn leather jacket and cargo pants, holding a sword with a glowing orange blade. The overall tone is gritty and action-oriented.

Аглая Райнис

Домарь.

В шаге от свободы

Аглая Райнис

Домарь. В шаге от свободы

<https://litres.ru/74171112>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где дома дышат, а оружие помнит прошлые жизни, Протокол Стерильности превыше всего.

Остов — хребет древнего Титана, где города выращены в питомниках из плоти и хитина чудовищ. Эти живые здания нуждаются в уходе, болеют и угасают. Иероним Вэн — циничный домарь, исцеляющий стены элитных особняков. В его карманах — долги, а на поясе — разумный костяной кинжал, безгранично верный и готовый отдать жизнь за свою семью.

Рутинный вызов оборачивается катастрофой. Роскошный дом бьется в лихорадке, из глубин конструкций раздается сводящее с ума пение, а стены проросли смертельной опухолью. На объект прибывает инспектор Санитарного Надзора Ливия Корд — безжалостный ликвидатор со стеклянными протезами вместо глаза и руки.

Квартал закрывают на карантин. Иероним заперт в доме вместе с суровым инспектором, а дом начинает сходить с ума. Но самое страшное домарь понимает слишком поздно: живые города — это не просто биомасса. Это заснувшие боги. И кто-то пытается их разбудить.

Содержание

Часть 1. Функциональный сбой. Глава 1 Дыхание чужой жизни	4
Глава 2. Так ломается стекло	19
Глава 3. Предел прочности	25
Глава 4. Цена стерильности	32
Глава 5. Тепло угасших семян	42
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Аглая Райнис

Домарь. В шаге от свободы

Часть 1. Функциональный сбой.

Глава 1 Дыхание чужой жизни

«...И было слово Первого Хирурга, и сшил Он плоть, и скрепил Хребет

узами вечного симбиоза. И заповедал Он: содержите обиталища свои в чистоте, ибо

если замолчит сердце дома твоего, бездна Глубоких Позвонков пожрет тебя».

*<i>(Из «Заповедей Стерильности», свиток третий)</i>
*i><o:p></o:p>**

Иероним

Если ваш дом начинает кашлять, не надо сразу вызывать инспекторов из Санитарного Надзора. Первым нормальные люди обычно зовут меня.

Иероним Вэн, лицензированный домарь третьего разряда. Я лечу стены, чищу питающие дом артерии и бережно зашиваю порванные мышечные волокна ваших гостиных. Работа грязная, пахнет железом и кислым раствором, но платят за нее регулярно. Точнее, платили бы, если бы аристократы из Верхней Хорды не имели привычки «забывать» кошельки в

своих шелковых кафтанах, когда дело доходит до расчета.

— Иероним, сколько ты можешь меня держать в темноте? Я хочу прогуляться. Если ты сейчас же не достанешь меня, я укушу тебя через штаны, — «заныл» мне в мысли клинок, висевший на поясе

— Заткнись, Жнец, — негромко бросил я, поправляя воротник поношенного кожаного плаща. — Мы идем на объект. Там богатый дом, наверняка придется менять изношенные костяные накладки и срезать старые хрящевые стяжки. Работы для тебя будет много, вот и прогуляешься заодно.

— Тьфу, опять чужие засоры прочищать, — проворчал Жнец. — Я боевой стилет, вообще-то. Во мне полтора ребра * закаленной кости черного ящера, меня создавали для честных поединков и великих свершений! А ты мной ковыряешь перекошенные косяки и срезаешь старые фасадные чешуйки. Позор!

Я не стал отвечать, лишь ладонью прижал рукоять к бедру, деликатно напоминая клинку, кто здесь главный. Маленький прожорливый мерзавец. Вообще-то, по приказу Высшего Синедриона, разумное оружие полагалось сдавать в утилизационные печи Санитарного Надзора сразу после списания. Но пять лет назад, когда моя жизнь пошла прахом, весь мир от меня отвернулся, а я оказался выброшенным на самое дно трущоб Нижних Позвонков, этот кусок закаленной кости реликтового ящера оказался единственным, кто остался рядом. Жнец не просто висел у меня на поясе — он бук-

важно вытащил меня из петли, а потом раз за разом заставлял просыпаться по утрам, изводя своим невыносимым, язвительным ворчанием.

Нет, мой Жнец не мог разговаривать как человек, но он умел «громко думать». Его общение со мной — это глубокая ментальная связь. Когда я сжимаю его теплую рукоять, нервные окончания его лезвия находят контакт с моей нервной системой. И тогда я слышу его голос у себя в голове, примерно, как чужие, ворчливые, голодные или испуганные мысли.

Кроме этого, когда Жнец «громко думает», злится или паникует, его лезвие начинает вибрировать и посылать световые импульсы, по интенсивности которых отлично можно понять, в каком он сейчас настроении.

Наша жизнь состояла из бесконечных споров, мелких ссор и взаимных подтруниваний. Жнец обладал на удивление скверным и вредным характером. Стоило мне в сердцах обозвать его ржавой костью, как он тут же обижался и начинал мелко пакостить. Он мог посреди ночи начать монотонно вибрировать в ножнах, мешая мне спать, или пускал волну холода по рукояти прямо в бедро во время серьезных разговоров с заказчиками, заставляя меня нелепо подпрыгивать. А на прошлой неделе он и вовсе заклинил фиксатор ножен в самый неподходящий момент, когда на нас в темном переулке напал бродячий пес-хрящевик. Мне пришлось отбиваться от твари кулаками, пока клинок изнутри издева-

тельски хихикал, транслируя мне в мысли свои эмоции.

Мы ругались по сто раз на дню, но я знал: за всей этой вредностью и кровожадной бравадой скрывалась глубинная, абсолютная преданность. В самые жуткие ночи, когда меня накрывали призраки прошлого, Жнец замолкал, переставал язвить и просто согревал мою ладонь мягким, живым теплом.

Он помнил времена, когда такое оружие умело не просто колоть. Оно могло менять структуру чужой плоти на расстоянии. Об этой части своей истории он помалкивал, но я-то знал: в его костяном сердце дремлет первобытная, запретная магия. Та самая, которую Синедрион мечтает уничтожить больше всего на свете. И если этот маленький прохвост однажды решит встать на мою защиту и покажет свою полную силу, Хребет содрогнется.

Но за верность и силу приходилось платить заботой. Жнеца периодически требовалось кормить, поэтому раз в три дня я устраивал ему настоящую баню. Я сам готовил концентрированный, тягучий экстракт из костной муки и отборных хрящей, которые покупал у мясников в Нижних Позвонках. Питательный экстракт я заливал в узкий кожаный чехол и погружал туда клинок по самую рукоять. Жнец, сыто и благодарно урча, засыпал на несколько часов, жадно впитывая теплое варево через микроскопические каналы на кромке лезвия. Если пропустить процедуру, лезвие покрывалось сухими белыми чешуйками, а сам клинок становился вялым и

поскрипывал во сне от слабости. Сегодня он был сыт, бодр и рвался в бой, но мы шли на самый обычный, скучный рабочий выезд. По крайней мере, я так думал.

Мы как раз подошли к особняку советника Блана. Элитный район. Здесь, на Верхней Хорде Остова — гигантского хребта древнего Титана, на котором стояла вся наша Империя, — дома были белоснежными, гладкими и отполированными до блеска. Никакой грязи, никакого Тумана. Туман маслянистой серой жижей колыхался далеко внизу, у Позвонков, где ютилась нищета. А здесь пахло дорогами благовоения и густым меловым соком, которым богачи поили свои дома. Этот сок выделяли огромные дойные раковины, которых разводили в подземных питомниках Синедриона. Если регулярно втирать меловой сок в поры стен, обшивка дома становилась гладкой и приобретала благородный нежно-розовый оттенок.

Но особняк Блана сегодня выглядел паршиво.

Левая стена трехэтажного здания заметно осела. Розовая кожа фасада была покрыта сероватыми сухими чешуйками и шла крупной дрожью. Подоконники из полированного хитина перекосились. Дом явно страдал от запредельного мышечного тонуса — его буквально перекручивало от скрытой судороги.

У входа меня уже ждал дворецкий — сухопарый старик с протезом из раковины моллюска вместо уха. На его лице читалась смесь безгливости к моей заляпанной куртке и па-

нического страха.

— Мастер Вэн? — его ушная раковина смешно дернулась.
— Наконец-то! Хозяин в ярости!

— Что у вас случилось? — спросил я, прикидывая в уме объем работы.

— Парадная дверь не принимает ключ-кость! — начал причитать дворецкий, заламывая руки. — Мышечные створки заперлись изнутри и хрипят. Гости должны прибыть через три часа, а у нас главный вход выглядит как пасть дохлой рыбы!

Я не стал торопиться действовать. Вместо этого я опустил тяжелую сумку с инструментами на отполированное крыльцо и скрестил руки на груди.

— Дверь — это финал, — сказал я, разглядывая бледную обшивку особняка. — Чтобы мышечный затвор заклинило, дом должен был страдать не первый день. Рассказывайте. Когда заметили первые странности?

— Да не было никаких странностей! — запричитал старик, бросая испуганный взгляд на окна. — Дом у нас молодой, породистый, три года как из питомника Синедриона. Питание идет по графику, три ковши в сутки чистейшего мелового концентрата! Мы не экономили, клянусь Остовом!

Я усмехнулся. Обыватели Верхней Хорды все одинаковы. Они покупают у Синедриона за бешеные деньги живой дом и верят, что он — это просто дорогая, послушная вещь, подчеркивающая их статус. Среди знати сейчас модно цитиро-

вать древние, полузабытые мифы о том, что когда-то, в эпоху До Великого Шва, люди жили внутри мертвых коробок из какого-то «камня» и тяжелого «металла». Те дома якобы не дышали, не просили тепла и стояли веками сами по себе без всякого ухода. Глупости, конечно. Как может стоять то, в чем нет живого костяного каркаса?

Начитавшись этих архивных бредней, аристократы верили, что и их живые дома были обязаны служить им вечно, поэтому напрочь пренебрегали своими обязанностями хозяев. Они ослепли в своей сытости.

На самом деле их дома — как капризные, огромные питомцы, требовали регулярного ухода, внимания, ласки и правильного питания. Они не замечали, как стены стонут по ночам, как лихорадочно бьются артерии под дорогой шелковой обшивкой. А ведь породистый, ухоженный дом платил человеку взаимностью.

Если особняк сыт, ухожен и любит хозяина, его стены делятся своим глубинным теплом, создавая уютную атмосферу. Его поры мягко фильтруют воздух от ядовитых спор Тумана, а упругие ребра потолка будут до последнего держать удар, оберегая жильцов при любом штормовом Вдохе Титана*.

Но богачи видят лишь дорогую недвижимость, болезнь которой они не способны разглядеть, пока потолок не начнет сжиматься в предсмертной судороге.

— Сэкономьте мне время, — перебил я вялое лепетание

дворецкого. — Насосы? Вентиляция? Сонные циклы? Вспоминайте.

Дворецкий замялся, потирая протез-раковину, которая от волнения слегка порозовела.

— Ну... недели две назад дом начал капризничать с едой. Мы заливали меловую подкормку в распределитель, а стены гостиной сжимались и выталкивали все обратно через вентиляцию. Он отвергал пищу. Хозяин подумал, что партия концентрата попалась несвежая...

Я мысленно вздохнул. Крупные дома Верхней Хорды кормились через сложные магистрали, очень похожие на древние отопительные системы: в центральный котел-распределитель в подвале периодически заливался жидкий, обогащенный кальцием питательный раствор, который под давлением мышечных насосов расходился по тонким трубам-сосудам, насыщая и укрепляя стены изнутри. Особняк Блана получал лучшее топливо в Империи, но его внутренние сосуды явно отказывались его принимать.

— Так, — я нахмурился. — Спазмы питающих сосудов. Что ещё?

— Вода в умывальниках потеплела, — неуверенно добавил старик. — И... дом начал петь.

Я уставился на него. Под моим пристальным взглядом дворецкий окончательно стушевался.

— Как это — начал петь?

— В последние дни в парадном зале... как бы это вы-

разиться... зазвучало эхо. Словно кто-то тихонько напевает внутри стен. Знаете, такой монотонный, вибрирующий гул на одной ноте. Мы думали, это ветер в дыхательных клапанах свистит. А сегодня утром ещё и левая стена просела на два узла**, а затвор намертво заклинило.

Внутри у меня похолодело. Ветер в клапанах не поет на одной ноте. На одной ноте гудят перенапряженные, натянутые до предела магистральные нервы, когда их сдавливает что-то чужеродное. Дом не просто капризничал. Его системы жизнеобеспечения планомерно сдавали одна за другой.

— Понятно, — я подошел к парадной двери. Вместо привычной для простых кварталов хитиновой плиты здесь был массивный живой затвор из плотных кольцевых мышц, покрытый лакированными костяными пластинами. В центре зияла узкая замочная щель шириной в один узел — нервный канал.

Я вытащил Жнеца из ножен и почувствовал едва уловимый сладковатый травяной запах — клинок всегда так пах, когда предвкушал работу.

— О-о-о, ну наконец-то дело, — завибрировал от возбуждения он. — Дай я его вскрыю, Иери. У него правый стыковочный узел прямо просит хорошей правки.

— Спокойно. Испортишь замок — останешься голодным, ибо покупать хрящи и муку будет не на что — осадил я его.

— Да помню я, — буркнул Жнец.

Я аккуратно ввел плоский кончик лезвия в замочную

щель. Дом судорожно вздрогнул. Пластины на двери пошли ходуном, зашуршали, как чешуя испуганной рыбы. Из глубины живого затвора раздался тяжелый, надрывной хрип — отек, вызванный воспалением, пережал двигательный узел, и затвор заклинило намертво. На мои сапоги брызнули капли янтарной жидкости.

— Ну вот, у него спазм, — констатировал Жнец. — Или он просто тебя разлюбил с первого взгляда.

— Дело хуже, — я прижал ладонь к стене рядом с дверью. Под кожей фасада пульсировало сердце дома, но его ритм был бешеным и каким-то рваным. А еще стена была неестественно горячей. — У него лихорадка. Причем очаг глубоко внутри, в несущих конструкциях.

Я достал из сумки шприц из полый птичьей кости, набрал туда порцию сонного экстракта объемом в хорошую горсть и вогнал иглу прямо в основание косяка. Дом издал долгий, затихающий свист. Напряженные мышцы двери медленно обмякли, створки расслабились, открывая темный проход в прихожую.

Изнутри пахло так, что дворецкий зажал свой нос ладонью и отшатнулся. Это был запах чужой, извращенной жизни. Тяжелый, горячий дух, какой бывает в заброшенных теплицах, когда там гниют кучи неубранных остатков растений.

— Ого, — Жнец в моей руке задрожал от восторга. — А внутри стен кто-то очень активно растет. И оно уже начинает прорастать наружу.

— Заткнись и не отвлекай, — я натянул на лицо плотную маску из кожи ската, пропитанную уксусом. — Пошли смотреть, за что нам не заплатят.

Внутри особняк напоминал сложную конструкцию, обставленную дорогой мебелью. На теплой кожной подложке пола лежали толстые пушистые ковры, но даже сквозь них чувствовалось, как пол под ногами упруго прогибался от каждого шага. Питательные капилляры на стенах, вместо приятного ровного света, пульсировали ядовито-багровым.

Здоровые комнаты по краям коридора на расстоянии пяти махов*** выглядели истонченными и сухими — какая-то невидимая сила высасывала из них все соки, перетягивая питание на себя.

Я шел по коридору, ведя Жнецом вдоль стен. Клинок работал как компас — его костяное лезвие светилось ярче, если мы приближались к источнику воспаления. И мы нашли его.

В большой гостиной, прямо под хрустальной люстрой, больная стена вздулась огромным, уродливым горбом. Обои из сушеной кожи пузырились. Из трещины в центре холма медленно вытекал густой темный сок, застывая темными каплями.

— Ну, мастер-домарь, — Жнец хмыкнул. — Твой диагноз?

Я подошел ближе, достал длинный костяной скальпель и сделал аккуратный крестообразный надрез на вздувшейся

стене. Плотная кожа разошлась с влажным треском. Вместо розовых здоровых волокон внутри обнаружилось нечто совсем другое.

Там, глубоко в теле дома, жила чужеродная структура. Черная, пористая, похожая на обгоревший коралл, но она была мягкой, пульсирующей и горячей. Она жадно вгрызалась в живые ткани здания, перестраивая их под себя, иссушая соседние стены и заменяя их структуру своей собственной бешеной, чужеродной плотью. Тот самый монотонный гул, о котором говорил дворецкий, исходил прямо отсюда. Опухоль весом уже в добрых три сгустка***** росла быстро и агрессивно, выпуская тонкие, как иглы, метастазы.

— Какого Остова?.. — прошептал я, протягивая руку к черному выросту. Я никогда не видел такой болезни. Это была не плесень, не паразиты. Дом перерождался, изнутри его пожирал прожорливый, чужой организм.

— На вашем месте, мастер Вэн, я бы убрала руки от этой стены, — раздался от двери холодный, как лед, женский голос. — Если, конечно, вы не хотите заразиться.

Я резко обернулся.

В дверях гостиной стояла женщина. Высокая, в безупречном темно-синем мундире инспектора Санитарного Надзора Синедриона. На ее плечах поблескивали серебряные нашивки инспектора. Лицо — застывшая маска правильной, но совершенно безжизненной красоты. Вместо левого глаза у нее был протез, искусно выточенный из толстого осколка

бутылочного стекла зеленого цвета. Вместо зрачка был темный скол, который странно преломлял свет, отчего казалось, что гостя видит меня насквозь.

Я, прекрасно знал секрет этих протезов: само по себе стекло из западных пустынь было мертвым, но цеховые мастера Цитадели – высшего исполнительного органа Синедриона, выращивали на его обратной, граненой стороне микроскопическую сеть из полумрачного мха-паразита. Срастаюсь со зрительным нервом, он считывал преломление лучей сквозь бутылочную линзу и транслировал инспектору тепловые контуры и пульсацию сосудов прямо в мозг. Она не просто смотрела — она сканировала меня.

Ее левая рука тоже была бионическим протезом. От самого локтя и до кончиков пальцев она состояла из чистого, переливающегося на свету граненого хрусталя — редкой контрабанды из Кремниевой Пустоши. При каждом ее движении внутри предплечья вспыхивали едва заметные голубые искры.

Инспектор Ливия Корд. Самый опасный ликвидатор Синедриона.

— Инспектор, — я опустил скальпель и слегка кивнул головой, выражая свое почтение, но Жнеца в ножны возвращать не стал. — Кажется, Санитарный Надзор обычно не ходит по вызовам к заклинившим дверям.

— Мы ходим туда, где пахнет нарушением Протокола Стерильности, — Ливия сделала шаг вперед. Ее стеклянные

пальцы тихо, со звоном соприкоснулись друг с другом. — Отодвиньтесь от стены, домарь. Этот квартал закрывается на карантин. А вы задержаны, пока мы не выясним, сколько этой дряни вы уже успели разнести по городу на своих подошвах.

— Эй, железная леди! — вдруг вякнул Жнец в моей руке. — Поаккуратнее с выражениями! Мы, между прочим, сертифицированные специалисты! А твоя стекляшка в левом глазу криво вставлена. От одного взгляда на нее завывать хочется!

Бутылочно-зеленый глаз Ливии Корд медленно сфокусировался на моем клинке. На ее бледных губах появилась едва заметная, пугающая улыбка.

**«Вдох Титана» (Штормовой ветер). Ветер на Остове — это дыхание самого Бога. Вдоль всего Хребта тянутся колоссальные вентиляционные шахты — дыхательные клапаны Титана. Когда его спящие легкие глубоко вздыхают, по улицам Верхней Хорды и ущельям Нижних Позвонков проносится мощный, теплый воздушный поток. Если клапаны забиваются «диким мясом» или карциномой, дыхание становится рваным, и на город обрушивается штормовой, ревуший ураган.*

***Ребро – (средняя мера) = 50 сантиметров (полметра). Расстояние между двумя реберными дугами на Остове Верхней Хорды.*

***Узел – (мелкая мера) = 2,5 сантиметра (примерно ширина большого пальца Иеронима).

****Мах – (крупная пространственная мера) = 1,5 метра (длина размаха крыла костяного ската или три ребра).

*****Сгусток – (базовая мера) = 1 килограмм (брусок чистой питательной лимфы). Наша опухоль в стене весит три сгустка (3 кг).

Глава 2. Так ломается стекло

«Параграф 4 Протокола Стерильности: Любое отклонение от нормального мышечного тонуса жилой единицы, сопровождающееся посторонними звуковыми вибрациями, классифицируется как био-угроза второго порядка. В случае обнаружения — изолировать периметр, свидетелей задержать до прибытия Старшего Хирурга».
<i>(Из «Инструкций для Санитарных Инспекторов», том II)</i><o:p></o:p>

Ливия

Мир сквозь левый глаз всегда казался немного зеленым и расколотым на грани.

Стекло не умело быть мягким. Стекланный протез, который цеховые умельцы Цитадели три года назад поставили мне вместо выбитого в боях на южной границе глаза, преломлял свет под странными углами. Темный скол в центре протеза, где должен был находиться зрачок, позволял видеть не просто живые организмы, а их тепловые контуры, пульсацию сосудов и магистральных нервов. Именно это новоприобретенное качество делало меня той, кем я сейчас являлась — самым востребованным специалистом Санитарного Надзора, одной из лучших среди подобных. Обычные инспекто-

ры слепо следовали бумажным протоколам, а я *виделасаму* суть нарушений. Я была идеальной ищейкой Синедриона.

Прямо сейчас я видела плотную сеть метастазов опухоли, опутавшую почти весь дом советника Блана. Дом был тяжело болен. Но домарь, стоящий у стены, беспокоил меня больше.

— На вашем месте, мастер Вэн, я бы убрала руки от этой стены, если, конечно, вы не хотите заразиться. — произнесла холодно я. Мои стеклянные пальцы соприкоснулись с сухим, хрустальным звоном.

Домарь медленно обернулся и слегка поклонился. Он выглядел именно так, как описывали нелегальных умельцев в ориентировках нашего ведомства: поношенный кожаный плащ, покрытый пятнами засохшей извести, заляпанные сапоги. Но кроме старой заношенной одежды я увидела упрямый подбородок и глаза человека, который слишком долго прожил на самом дне, чтобы испугаться синего сукна. В его правой руке был зажат костяной клинок, длиной около полутора ребер. Странное оружие. Мой стеклянный глаз уловил внутри этой кости слабое, неестественное свечение, словно там пульсировал собственный, автономный нервный узел.

Но по-настоящему меня разозлило то, что этот клинок... заговорил.

— Эй, железная леди! — завибрировал он и засветился ядовито-зеленым светом, что вероятно было признаком глубокого презрения. — Поаккуратнее с выражениями! Мы, между прочим, сертифицированные специалисты! А твоя

стекляшка в левом глазу криво вставлена. От одного взгляда на нее завывать хочется!

Я почувствовала, как внутри моего левого предплечья, под прозрачной оболочкой стеклянного протеза, родилась и тут же погасла тонкая голубая искра. Разумное костяное оружие. Прямое нарушение Первой Заповеди Стерильности. Согласно циркулярам, такие объекты подлежали немедленному изъятию и растворению в кислотных чанах.

— Какая очаровательная, наглая зубочистка, — ядовито усмехнулась я, глядя Иерониму прямо в лицо. — Твой говорящий хрящ нарушает закон, домарь. Брось его на пол и сделай три шага назад. И предупреждаю: если он издаст еще хоть один звук, я лично проверю, насколько хорошо кость черного ящера растворяется в кислоте.

— Инспектор Корд, если я его брошу, он обидится, — с усмешкой ответил Иероним, даже не думая убирать клинок. Он лишь аккуратно вытер лезвие краем плаща и плотнее перехватил рукоять. — К тому же, на вашем месте я бы не тратил время на бесполезные остроты. Посмотрите на левую хорду под люстрой. Вашему Санитарному Надзору пора объявлять эвакуацию квартала.

Я перевела взгляд на стену. Горб на розовой коже фасада увеличился еще на два узла. Но страшнее было другое — черная пористая структура, похожая на обгоревший коралл, начала мелко, ритмично подрагивать. Одновременно с этим по залу поплыл гул. Монотонный, вибрирующий звук на од-

ной ноте, от которого у меня внутри все сжалось.

В закрытых архивах Синедриона, к которым я получила доступ после повышения, эта болезнь упоминалась лишь однажды. В секретных отчетах столетней давности её именovali Первым Искажением или Черной Карциномой. Там утверждалось, что эта черная опухоль способна перехватывать сигналы живой архитектуры, подчиняя дома своей воле. Руководство уверяло нас, что Искажение полностью выжжено. Они лгали. Оно было здесь, в самом сердце Верхней Хорды.

На секунду левое плечо пронзила такая острая боль, что у меня перехватило дыхание. Тот самый холод, который я впервые ощутила на южной границе — в Великой Топи. Руководство Синедриона отправило наш батальон туда четыре года назад под предлогом «усмирения пограничного бунта». Нам сказали, что местные дикари оскверняют Остов, собирая запретные ржавые механизмы из мифического «металла». Но когда мы вошли в жидкий маслянистый туман Топи, мы нашли совсем не бунтовщиков. Мы нашли то, о чем приказали забыть всем выжившим. Именно там, среди ржавых озер, я оставила свою руку и глаз, получив взамен эти стеклянные протезы и статус «лучшего ликвидатора». Подробности того похода до сих пор снились мне в кошмарах, заставляя покрываться лоб ледяной испариной.

Я судорожно вздохнула, заставляя себя вернуться в реальность, и крепче сжала стеклянные пальцы, скрывая минут-

ную слабость от домаря.

— Советник Блан совершил преступление, скрыв симптомы, — жестко произнесла я, возвращая лицу маску ледяного безразличия. — Дом заблокирован по моему приказу. Сюда уже направлен ликвидационный отряд с цистернами едкой смолы, которая превратит это строение в стерильный пепел. Протокол не знает исключений.

Иероним резко шагнул ко мне, и Жнец в его руке предупреждающе звякнул.

— Вы с ума сошли, инспектор? — в его голосе прорезалась настоящая злость. — Ваш отряд просто сожжет особняк вместе с нами! Эта тварь в стене уже пережала двигательный нерв затвора. Если снаружи обольют фасад кислотой, дом впадет в шоковый спазм и просто раздавит нас своими ребрами-перекрытиями! Мы внутри живого существа, неужели в ваших Санитарных инструкциях не учат элементарной анатомии?

Я открыла рот, чтобы приказать ему замолчать, но взгляд стеклянного глаза случайно скользнул мимо домаря — в дальний угол залы. Там, забившись под хитиновый диван, сидел маленький испуганный мальчишка-слуга. Он сжимал в руках костяную игрушку и беззвучно плакал, глядя на меня круглыми от ужаса глазами. В Санитарном Протоколе Синедриона на этот счет было четкое указание: *«При ликвидации очага био-угрозы все находящиеся внутри гражданские лица низших сословий признаются сопутствующими*

потерями и утилизируются вместе с объектом». Чисто, эффективно, без свидетелей. Поэтому я должна была расценивать мальчишку, как сопутствующую потерю предстоящей зачистки.

Но я не смогла. Что-то внутри противно и болезненно кольнуло, возвращая меня в те времена, когда я еще была человеком. Я сделала едва заметное движение правой рукой, словно пытаюсь заслонить ребенка от багрового света стен. Иероним заметил этот жест. На долю секунды его яростный взгляд смягчился, сменившись глубоким удивлением.

Я хотела сказать что-то, нарушая все инструкции, но в этот момент пол особняка под нашими подошвами содрогнулся.

Из глубины черной опухоли вырвался резкий, пронзительный свист, похожий на крик раненой птицы. Розовая кожа стен вокруг горба мгновенно побледнела, покрываясь мертвыми серыми пятнами. Узлы системы освещения ядовито вспыхнули багровым и тут же погасли, погружая зал в зловещий полумрак, разбавляемый лишь голубым сиянием моей левой руки.

А затем потолок над нашими головами начал медленно спускаться. Живые ребра особняка, повинувшись безумному импульсу опухоли, начали судорожно сжиматься, превращая элитную гостиную в захлопывающуюся костяную ловушку.

Глава 3. Предел прочности

«У каждого дома на Хорде есть свой предел прочности.

Но страшнее всего момент, когда этот предел ломается внутри человека».

Домарь

Иероним

Когда трехэтажный особняк, весящий не менее сотни тяг*, решает сложиться пополам, времени на вежливые дискуссии не остается.

Потолок гостиной, состоящий из тяжелых, обтянутых лоснящейся кожей ребер-перекрытий, со страшным хрустом рухнул вниз сразу на пол маха. Хрустальная люстра, ударившись об полированный пол разлетелась с тихим звоном. Основание дома под ногами содрогнулось так, словно Титан решил перевернуться на другой бок.

Комнату мгновенно заполнил удушливый, обжигающий зной — черная карцинома в стене пульсировала в бешеном ритме, выплескивая в воздух жар воспаленной плоти.

— Иери, он умирает! Дом умирает! — Жнец в моей руке не шутил. Он истошно, дико выл прямо мне в мысли, вибрируя так, что я с трудом удерживал его. Он чувствовал смерть дома, и этот ментальный вой сводил меня с ума.

Я упал на колено, потому что стоять было уже невозможно. Пространство гостиной стремительно сжималось, превращаясь в щель. Мышечный тонус здания взлетел до пределов катастрофы. Магистральный нерв дома был пережат опухолью, и он перестал подчиняться командам. Его ткани судорожно сокращались, стремясь уничтожить источник боли. Уничтожить вместе с нами.

Где-то позади меня захлебнулся криком дворецкий. Тяжелый мышечный тяж, сорвавшийся сверху, с глухим стуком впечатал старика в пол. Его тело неестественно выгнулось и застыло. Спасать там было уже некого.

— А-а-а-а! — этот тонкий, срывающийся на хрип детский визг заставил меня рвануться вперед.

Я полз, обдирая локти о вздыбившиеся хитиновые плиты пола в сторону, куда пацан-слуга выполз из-под дивана. Мальчишка был жутко напуган — живой мир вокруг него сошел с ума. Он слепо бился о сжимающиеся мышечные складки, его лицо от ужаса стало серым, а ногти были сорваны в кровь — он пытался пробить запертые створки затвора. Парадные лепестки двери впереди уже сомкнулись намертво, превратившись в монолитную стену из судорожно переплетенных волокон. Пальцы пацана скользили по липкой смоле, он задыхался.

— Назад! — этот крик Ливии прозвучал как выстрел.

Я обернулся и похолодел. Инспектор стояла, запрокинув голову, упершись стеклянной рукой в падающее костяное

перекрытие потолка. Ее протез горел ослепительным, ядовито-голубым пламенем. Граненые хрустальные пальцы с омерзительным скрежетом по самую ладонь ушли в живую плоть потолка.

Под прозрачной кожей ее предплечья бешено метались молнии, стекло трещало под запредельной нагрузкой. Ливия тяжело дышала от напряжения. На ее шее вздулись вены, а из-под стеклянных ногтей от соприкосновения с плотью дома шел белый морозный пар. Она сдерживала вес падающего потолка одной лишь силой своего протеза, но я видел, как по ее бледной щеке стекали капли пота от напряжения и боли.

Стекло протеза разрушало ее собственную плоть, забирая последние силы.

— Домарь... — выдохнула она сквозь стиснутые зубы. Ее бутылочный глаз яростно полыхнул зеленым. — Сделай... что-нибудь. Я не удержу...

— Держи левый узел! — крикнул я, втиснув Жнеца в ножны и срывая с плеча сумку. — Пацан, ползи ко мне! Живо!

Мальчишка проявил невероятную, звериную ловкость. Вместо того чтобы забиться в щель, он гибкой ящерицей проскочил под сдвигающимися хитиновыми панелями пола и буквально влетел мне в руки, намертво вцепившись в кожаный плащ. Его колотила крупная дрожь, он пах паникой, потом и дешевой костной мукой.

Потолок опустился еще на узел. Ливия коротко и страшно вскрикнула. По ее стеклянному предплечью побежала глубо-

кая, зловещая трещина. Еще мгновение и протез разлетится в пыль, а мы будем похоронены под тоннами обмякшей живой плоти.

Я швырнул мальчишку за спину и выхватил из сумки самый большой шприц-дозатор. Внутри него плескался густой, серый сонный экстракт из спор Тумана. Это средство не лечит. Оно действует как мощный наркоз для живой архитектуры, значит должно подействовать и на опухоль. Обычная доза — три чешуйки**, чтобы усыпить капризную спальню. Но сейчас мне нужно было вырубить карциному и взбесившийся трехэтажный особняк. В дозаторе было почти три глотка*** чистой сонной вытяжки — должно хватить.

Я прыгнул к багровому горбу опухоли. Тварь словно почувала смерть — монотонный гул превратился в оглушительный рев. Из трещины брызнул фонтан горячей темной смолы, едва не обварив мне лицо. Несколько капель попало мне на руки и в этих местах сразу же вздулись болезненные волдыри. Для действия у меня было всего несколько секунд. Не обращая внимания на боль, я с размаху вогнал длинную иглу шприца-дозатора в самую сердцевину черного пульсирующего узла.

И вдавил поршень.

Напряжение в комнате взлетело до предела. Ливия издала глухой стон, ее стеклянное плечо окуталось облаком морозного пара, а по граненому предплечью побежала тонкая, зловещая трещина. Она рухнула на пол, тяжело дыша. Пацан

судорожно сжимал мой плащ и дрожал так, что слышался стук его зубов.

Долю секунд ничего не происходило, а потом дом выдохнул.

Это был жуткий, затихающий свист, перешедший в глухое эхо. Багровые капилляры на стенах мгновенно погасли, став мертвенно-серыми. Напряжение в несущих мышцах лопнуло. Потолок обмяк и замер всего в одном ребре**** от моей головы. Живой затвор парадной двери безвольно обвис, превратившись в дряблую складку кожи.

— На выход! Живо! — я скинул маску ската, которая душила меня, схватил пацана подмышку и рванул вперед.

Ливия лежала на полу, содрогаясь от судорог. Ее стеклянная рука безжизненно вытянулась, голубое сияние внутри нее угасло, оставив лишь сетку глубоких трещин. Я схватил инспектора за здоровую руку, буквально рывком поднимая на ноги. Она не стала огрызаться. В ее глазах застыл дикий, первобытный ужас человека, который только что заглянул в бездну.

Мы вывалились наружу, продравшись сквозь безвольные складки затвора, и скатились по белоснежным ступеням особняка.

Но радоваться спасению оказалось рано. Воздух элитного квартала встретил нас не прохладой и тишиной, а нарастающим гулом, от которого хотелось замереть в испуге.

По улице Хорды, сокрушая мостовую, на полной скоро-

сти неслись три тяжелые платформы, запряженные костяными тяжеловозами. На настилах тускло поблескивали колоссальные хитиновые цистерны, опутанные трубками-сосудами. Ликвидационный отряд Санитарного Надзора Синедриона.

— В тень! Быстро! — Ливия, проявив невероятное усилие воли, перехватила инициативу. Она схватила меня за плащ и потянула в узкую темную щель между соседними фасадами. — Нас не должны заметить. Протокол «Очищение» применяют ко всем, свидетелей не оставляют. Нас сожгут заживо вместе с этим сектором.

Я прижал к себе притихшего, тяжело дышащего пацана, боясь сделать вдох. Из-за угла нашего укрытия было видно, как Санитары в глухих масках изолируют дом Блана, отрезая его от общей нервной и кровеносной системы города, как разворачивают длинные гибкие шланги, наводя их на стены. Как из наконечников с шипением ударяют струи ядовито-зеленой едкой смолы. Вот фасад здания начал растворяться, исходить пеной прямо на глазах. Дом, даже находясь под глубоким наркозом, глухо, страшно закричал где-то в глубине своих подземных ярусов.

Ликвидаторы действовали быстро, безжалостно и абсолютно стерильно. И один из них, с тяжелыми костяными накладками Старшего Хирурга на плечах, медленно повернул голову в сторону нашего переулка. Его глухая маска замерла, сканируя проем, где затаились мы трое.

Я намертво зажал рот мальчишке, чувствуя, как Жнец на моем поясе медленно, безнадежно леденеет, готовясь к своей последней, схватке.

**Тяга— местная мера веса, равная 1 т.*

****Чешуйка (около 0,5 грамма)**— микро-вес для медицинских порошков, спор, семян и экстрактов. (Обычная доза — три чешуйки сонного экстракта, чтобы временно усыпить капризную спальню).

*****Глоток (около 50 мл)**— объем жидких экстрактов

******Ребро (около 50 см)**— базовая крупная единица длины. Расстояние между двумя костными дугами в туннелях.

Глава 4. Цена стерильности

*«Стерилизация — это не уничтожение плоти.
Это возвращение Остова в его
первоначальное, чистое состояние до того, как
на нем за веком век выросли
сорняки человеческой жизнедеятельности».*
*<i>(Из наставлений Квартирмейстера Коллегии
Зрячих)</i><o:p></o:p>*

Ливия

Высший Синедрион никогда не ошибался, потому что у него не было сердца. Были только три Коллегии и Протокол.

Коллегия Зрячих — мои коллеги-ищейки — находили малейшие сбои в жизнедеятельности городов. Коллегия Безликих — те самые жуткие Ткачи Масок — тихими ночами избавлялась от тех, кто задавал лишние вопросы. И Коллегия Глухих — Санитары, каратели Первой линии. Члены этой коллегии были полностью лишены слуха — человеческий плач не должен был мешать их работе. По приказу Синедриона им повреждали слуховой нерв. Слышать командира и друг друга им помогали шлемы-симбионты — гениальное изобретение ученых Цитадели. Внутри каждого оголовья жил крошечный мыслящий паразит, который транслировал команды Старшего Хирурга напрямую в подкорку бойцов, заставляя отряд действовать как единый организм.

Именно они в глухих масках из кожи ската сейчас стояли в трех махах от нашего укрытия.

— Объект нестабилен. Внутренний органный коллапс, — глухой голос Старшего Хирурга заставил меня сильнее прижаться к костяному выступу фасада. Я узнала его. Ксавье Райз. Самый безжалостный палач Коллегии Глухих. Человек, чья куртка была покрыта костяными заклепками по числу выжженных им кварталов. — Активировать Протокол «Очищение». Залить все до третьего яруса подвала.

Бойцы Коллегии Глухих действовали со страшной, автоматической точностью. Первым делом они с размаху вогнали в костяную мостовую вокруг особняка четыре больших хитиновых клина — артериальных жгута. Я видела, как багровые питательные вены, связывающие дом советника с общей сетью Хорды, под воздействием клиньев мгновенно посинели, сжались и замерли. Дом Блана был изолирован, отрезан от кровеносной системы города, превращен в живой аппендикс, готовый к удалению. И только тогда Ксавье Райз глухо скомандовал: — Пустить смолу!

Из гибких шлангов, подключенных к цистернам, с шипением рванулась струя ядовито-зеленой едкой смолы. Я смотрела на это, а стекло протеза ловило багровые отсветы умирающего особняка.

Породистый, трехлетний дом советника Блана, выращенный в питомнике Синедриона из элитных семян, умирал страшно. Едкая смола вызывала мгновенный бурный некроз.

Розовая, отполированная соком раковин кожа фасада покрылась серыми пузырями и начала стремительно сворачиваться, как сухой лист. Крупные мышечные тяги, удерживавшие балкон, с сухим треском лопались, превращаясь в жесткие, безжизненные жгуты. Световые узлы-светляки, встроженные в карнизы, вспыхивали фиолетовым и взрывались.

Дом закричал. Низкий, утробный гул пошел по костяной мостовой Верхней Хорды, заставив мой стеклянный протез руки завибрировать в мучительном резонансе.

На секунду эта боль пробила плотину моей памяти, и демоны, мучавшие меня ночами после участия в операции в Южной Топи, хлынули наружу. Воспоминания всплывали задом наперед, с самого жуткого конца.

...Вот я лежу на операционном столе Цитадели, и Квартирмейстер Вальтер Кройц — глава нашей Коллегии Зрячих — лично вставляет мне искусственный глаз из зеленого бутылочного стекла, в то время как цеховые мастера притирают хрустальный протез к моему обрубку плеча. Вот я ползу по маслянистой жиже Великой Топи, истекая кровью, а позади меня остался наш батальон, сожженный в ущелье точно такой же зеленой смолой по приказу Синедриона.

Еще шаг назад Мы, Ищейки, находим в тумане Топи огромный чернеющий холм карциномы и древние, ржавые конструкции под ним. Синедрион называла металл, дерево и кварц сказками и мифами для толпы. Простым обывателям Верхней Хорды внушали, что мертвой ма-

терии не существует в природе, ведь вся власть Синедриона держалась на монополии живой плоти. Но мы, инспекторы Коллегии Зрячих, знали правду. Мертвая материя существовала на диких границах Остова. И любой, кто пытался тайно привезти в черту города хотя бы осколок западного кварца или ржавый гвоздь с южных болот, признавался государственным преступником и уничтожался на месте без суда и следствия. Синедрион панически боялся, что люди узнают о существовании материалов, которые не нужно кормить, и которые не болеют. И именно ради сокрытия этой правды мой батальон остался в Топи...

И приказ Квартирмейстера в моих руках: «Уничтожить батальон вместе с холмом. Свидетелей быть не должно».

Синедрион знал о черной карциноме. Более того, судя по обрывкам документов, которые я видела на столе Квартирмейстера перед отправкой, он отчаянно нуждался в ней. Её не пытались вылечить — им нужны были образцы, а заболевшие дома жгли смолой только для того, чтобы скрыть сам факт её существования от горожан. Это была интрига высшего порядка, ценой в миллионы жизней.

Я судорожно выдохнула, возвращаясь в реальность. Рядом со мной Иероним мертвой хваткой прижимал к себе мальчишку-слугу. Пацан беззвучно трясся, а домарь смотрел на меня тяжелым, давящим взглядом. Он ждал.

Ксавье Райз медленно повернул свою глухую маску в сто-

рону нашего проема. Его костяные датчики на шлеме слабо повернулись, улавливая тепловой контур моего тела. Его рука легла на костяной затвор шприца-пистолета на поясе. Ошибка стоила бы нам жизни. По Протоколу «Очищение» свидетелей не оставляли. Нас сожгли бы за секунду, списав на «сопутствующие потери».

Я сделала глубокий вдох, заставляя дрожь в левом плече утихнуть, и уверенно вышла из узкой щели фасада прямо навстречу Санитарам. Мои сапоги сухо стукнули по костяной мостовой.

— Отставить сканирование переулка, Старший Хирург Райз! — мой голос оглушительно прозвучал в гулкой тишине улицы.

Ликвидаторы у шлангов на секунду ослабили напор шипящей смолы. Мундир инспектора Коллегии Зрячих, даже грязный и потрепанный, обладал весомой властью.

Ксавье Райз замер, его маска жутко блеснула в багровом свете агонизирующего дома. Он медленно убрал руку с оружия, но его датчики продолжали сканировать меня.

— Инспектор Корд? — его измененный мембраной голос прозвучал подозрительно тихо. Хрящевой резонатор на его горле выдал неестественный, вибрирующий гул. Санитары Коллегии Глухих не слышали обычных звуков, но Райз считывал мир иначе. Его шлем был повернут ко мне, и я физически ощущала, как сквозь узкую прорезь маски его глаза сканируют микро-движения моих губ и тонус шейных мышц,

переводя буквы в слова Одновременно его тяжелый сапог плотно прижимался к мостовой, улавливая малейшую дрожь воздуха от моего голоса. Он не слышал меня, но он меня считывал.

— По бумагам, этот сектор Хорды был зачищен еще до нашего прибытия. Что Ищейка делает в зоне некроза?

— Я закрывала периметр с восточной стороны по прямому распоряжению Квартирмейстера, — ядовито, с привычной стервозностью отчеканила я, скрестив руки на груди так, чтобы скрыть трещину на стеклянном предплечье. — Советник Блан мертв. Очаг Искажения изолирован. Ваша задача — довести этот кусок Хребта до стерильного блеска, а не вынюхивать тени по подворотням. В переулке чисто, там старый дренажный отвод. Выполняйте приказ, Райз, пока я не внесла в рапорт отметку о вашей излишней бдительности там, где требуется скорость.

Старший Хирург стоял неподвижно. Я буквально физически чувствовала, как под его маской работает холодный, аналитический ум. Он сопоставлял факты. Он проверял тонус моих мышц лица сквозь прорезь шлема — лгу ли я? Но моё лицо оставалось безупречной, ледяной броней.

— Разумеется, инспектор Корд, — Райз медленно, почти издевательски козырнул мне. — Мы закончим здесь через десять вздохов*. Передайте Квартирмейстеру, что Коллегия Глухих всегда доводит ампутацию до конца.

В его словах сквозила скрытая угроза. Он не верил мне.

Но Протокол требовал от него уничтожить дом, а не препираться с коллегами, поэтому он повернулся к своим людям: — Увеличить напор смолы! Смыть левый фланг под корень!

Я не стала ждать. Развернувшись на каблуках, я ровным, уверенным шагом вернулась в темноту переулка, скрываясь от багрового зарева. Как только тень накрыла нас, я резко схватила Иеронима за край кожаного плаща и потянула его за собой вглубь коллектора.

— За мной, живо, — прошипела я, чувствуя, как внутри стеклянного предплечья от сумасшедшего напряжения лопнул еще один хрустальный узел. — Ксавье Райз не из тех, кто игнорирует подозрительные тени. Уверена, что он уже отдал приказ остановить нас. Если это так, то уже через половину хорды** нас перехватит патруль Безликих. Нам надо поторопиться!

Домарь не стал тратить время на расспросы. Подхватив мальчишку, он бросился за мной в сырую, пахнущую кислым раствором темноту подземных артерий Остова. Я только что предала Синедрион, обманув самого опасного её члена – Старшего Хирурга Коллегии Глухих. И обратного пути у меня больше не было.

Райз

Синий мундир инспектора Ливии Корд скрылся в сырой темноте переулка, но её тепловой след еще несколько секунд дрожал на костяных наплывах стены.

Я медленно опустил руку, так и не нажав на костяной за-

твор шприца-пистолета. Мой шлем-симбионт пульсировал. Крошечный паразит-мыслитель внутри оголовья заворочался, транслируя мне сигналы Синедриона, но я заставил его затихнуть. Мне не нужны были чужие подсказки, чтобы увидеть ложь. Я занимался ампутациями на Хребте слишком долго.

Инспектор Ливия Корд считала себя безупречной актрисой. Она думала, что её ледяной тон и ссылка на Квартирмейстера обманули глухого карателя.

Наивная.

Мой костяной рожок на шлеме уловил не только её слова. Он зафиксировал, как судорожно, со скрежетом сжались грани её стеклянного протеза под синим сукном, когда она врала мне в лицо. А костяные датчики моих сапог сквозь толщу мостовой Верхней Хорды четко считали еще два пульса, затаившихся в глубине проема. Один — тяжелый, глубокий пульс взрослого мужчины. Второй — частый, как у пойманной птицы. Пульс ребенка.

Корд уводила свидетелей Искажения. Лучшая ищейка Коллегии Зрячих только что совершила должностное преступление, наказание за которое — растворение в чане с кислотой.

Я мог бы отдать приказ отряду, и мои бойцы выжгли бы беглецов смолой прямо в туннеле за пару вздохов. Но Протокол «Очищение» требовал от меня сначала ликвидировать очаг био-угрозы здесь, пока дикая черная карцинома не пу-

стила метастазы в центральную артерию Хорды. Сначала — ампутация дома. Охота на крыс — потом.

Я протянул руку к груди, нажал на хрящевой резонатор на горле и выдал в общую ментальную сеть Коллегии Безликих короткий, вибрирующий приказ:

— Говорит Старший Хирург Райз. Сектор сорок два. Зафиксирован факт измены. Инспектор Ливия Корд уводит из зоны некроза двух свидетелей. Аннулировать её личный ключ от нервной сети города. Объявить Протокол «Охота». Взять живой или мертвой — мне всё равно.

Паразит в моем шлеме сыто шевельнулся, передавая команду на верхние ярусы Цитадели. Маховик провернулся, стирая Ливию Корд из списков живых.

Я повернулся к особняку советника Блана, который уже превращался серую некротическую пену, и жестко скомандовал отряду:

— Увеличить напор смолы! Выжечь здесь всё до стерильного блеска!

В лице Коллегии Глухих эта троица только что нажила себе врага, который никогда не оставляет ампутацию незавершенной. И я найду их. Чего бы мне это ни стоило.

**Вздых (аналог минуты)* — время, за которое дыхательный клапан Хребта совершает один цикл, а вентиляционные чешуйки на стенах туннелей медленно приоткрываются и закрываются (примерно 2–3 наши минуты).

**Хорда – путевая мера, аналог километра) = 1,5 кило-*

метра.

Глава 5. Тепло угасших семян

«Каждое семя помнит тепло рук, которые его согрели. Дом — не камень, он не забывает своего создателя, даже когда его стены омывает едкая смола».
<i>(Из личных дневников мастера-селекционера Ионы)</i></i></o:p></o:p>

Иероним

В сырой темноте дренажного коллектора пахло кислым раствором, плесенью и близкой смертью. Мы бежали вслепую уже четверть хорды, скользя сапогами по липкой жиже, пока далекий, утробный гул растворяемого смолой особняка Блана наконец не затих где-то позади.

Идущая впереди Ливия вдруг резко остановилась. Ее стеклянные пальцы с сухим треском врезались в податливую костяную стену туннеля. Из-под прозрачной кожи предплечья вырвалась цепочка голубых искр, на мгновение выхватив из мрака ее бледное, искаженное болью лицо. Она тяжело, прерывисто дышала.

— Стой, — процедила она сквозь зубы. — Всем стоять.

Я остановился, покрепче перехватив притихшего мальчишку-слугу. Пацан испуганно прижался к моему бедру, утыкаясь носом в мокрую от извести куртку. Жнец глухо, тревожно заворочался в ножнах, но промолчал — клинок

чувствовал, что ситуация накалена до предела.

— Куда дальше, инспектор? — спросил я, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно. — Санитары Райза перекроют выходы из коллекторов очень быстро. У вашей Коллегии Зрячих есть безопасные посты на этом уровне?

Ливия медленно повернула ко мне голову. В темноте туннеля ее левый глаз тускло, зловеще отсвечивал зеленым светом. На бледных губах появилась привычная стервозная усмешка, но в глубине граненого зрачка я впервые увидел подступающую панику.

— Посты? Безопасные посты для предателей, домарь? — выплюнула она, и ее голос эхом разнесся по туннелю. — Райз понял, что я его обманула и скорее всего уже доложил об этом. Я думаю, в Синедрионе уже аннулировали мой личный ключ от нервной сети города. Для Санитарного Надзора я теперь такое же био-отклонение, как ты и этот сопливый пацан под твоей рукой. У меня нет плана. Я просто вытаскивала нас из огня, понятно тебе? Так что замолчи и дай мне подумать.

Она попыталась сделать шаг, но левое плечо свело такой дикой судорогой фантомной боли, что инспектор покачнулась и едва не осела в грязь. Я успел перехватить её, удерживая на ногах. Кожа здоровой руки под синим сукном мундира была горячей.

— Отпусти, оборванец, — прошипела она, пытаясь вырваться, но сил у нее почти не осталось.

— Хватит стервенеть, Ливия, — жестко осадил я её, впервые назвав по имени без официального чина. — Мы в одном капкане. Лучше скажи, под каким сектором Хорды мы сейчас находимся? Какая артерия идет над нами?

Она злобно зыркнула на меня, но подчинилась. Ее зеленый протез глаза щелкнул, преломляя остатки света. Она уставилась в потолок коллектора, считывая тепловые контуры магистралей сквозь толщу костяных пластов.

— Сектор... сектор сорок два, — глухо произнесла она. — Над нами старый распределительный узел лимфы. Но он мертв. Нервные каналы заглушены Мэрией года два назад. Там тупик. Глухая мышечная перегородка.

Внутри у меня шевельнулось воспоминание. Сектор сорок два. Мертвый распределитель лимфы.

— Это не тупик, — на моих губах появилась короткая, невеселая улыбка. — Это старый буферный питомник. Оранжерея забытых семян. Нас там искать не будут, для Санитаров это просто списанный кусок Хребта. И у меня до сих пор есть к нему пропуск. За мной.

Я перехватил инициативу, увлекая растерянную Ливию и мальчишку за собой в узкое ответвление туннеля, поднимающееся круто вверх. Мы прошли еще около трех десятков шагов, пока не уперлись в массивный, покрытый слоем вековой пыли живой затвор.

Этот питомник был моей тайной. Пять лет назад мой наставник прятал здесь от Синедриона семена собственной се-

лекции, а я помогал ему их выхаживать. Старик часто повторял мне: "Если мир сойдет с ума, Иери, возвращайся в Сектор 42. Земля здесь помнит нас"

Затвор поддался не сразу. Старый костяной ключ-пропуск, который я хранил на дне сумки долгих пять лет, никак не мог поймать нужный нервный узел в замочной щели. Дренажный коллектор позади нас дышал сыростью и кислым раствором, а где-то сверху, на Хорде, глухо стонал растворяемый смолой особняк Блана.

— Ну же, давай, живей, Иери! У меня от этой сырости сейчас лезвие зацветет плесенью! — Жнец нервно вибрировал на поясе, пуская волны панического холода мне в бедро.

— Замолчи, — процедил я, надавливая на рукоять ключа. Мышечные створки затвора наконец-то вздрогнули, издали долгий вздох и медленно поползли в стороны. Я буквально втолкнул Ливию и мальчишку-слугу внутрь и шагнул следом, намертво запечатывая за собой проход.

Нас мгновенно окружила тишина. Оглушительная, чистая тишина, которой не бывает в суетливых кварталах Верхней Хорды и уж тем более в грохочущих трущобах Нижних Позвонков.

Мы оказались в старом, списанном питомнике. Нас встретил густой, окутывающий зной, но это был не тот удушливый багровый жар воспаленного, больного дома, а мягкое, живое тепло ухоженной оранжереи. Воздух пах влажной известью, мхом и сладковатым соком древних костяных луковиц. По-

чувствуя наше тепло, под куполом потолка лениво распустились десятки осветительных бутонов, заливая пространство мягким, янтарным светом. Несмотря на то, что питомник был давно заброшен, все системы в нем работали исправно.

Напряжение, державшее нас последние часы, наконец-то отступило. Ливия обессиленно опустилась прямо на пол, на ковер из мягкой, бархатистой хрящевой подстилки. Ее синий мундир был испачкан белой пылью и усыпан сухими костяными чешуйками, а левая стеклянная рука, покрытая сетью трещин, опустилась на колени неподвижным грузом. Голубые искры внутри ее предплечья угасли.

Мальчишка-слуга забился мне под бок, испуганно озираясь на гигантские костяные ребра оранжереи, уходящие высоко вверх, к заброшенным вентиляционным клапанам. Он до сих пор мелко дрожал.

Я снял свой поношенный кожаный плащ, бережно укутал им худые плечи пацана и усадил его рядом с Ливией. Жнец на моем бедре довольно заурчал, почувствовав абсолютную безопасность этого места и затих.

Я достал из сумки небольшую спиртовую горелку, зажег её и поставил кипятить воду в костяном ковше. Флягу с чистой водой я всегда носил с собой на всякий случай. Потом бросил в ковш щепотку успокаивающих сушеных спор. Теплый, травяной аромат поплыл по оранжерее, окончательно вытесняя запах кислоты, который мы принесли на себе.

— Мастер Иероним... — тихо позвал мальчик, согреваясь под моим плащом. Его карие глаза уставились на пламя горелки. — Там, в доме я слышал странное. Дворецкий и хозяин Блан иногда говорили, что когда-то, очень давно, дома были мертвыми. Из дерева и какого-то металла. Разве так бывает? Разве дом может стоять, если он не дышит и его не кормят?

Ливия медленно повернула голову. Она знала, что это не выдумка. Она сама видела мёртвый металл в южных Топях. Но инспектора поразило, что об этой государственной тайне Цитадели знает обычный пацан-слуга. Она замерла и насто-роженно уставилась на меня, ожидая, что я отвечу ребёнку.

Я присел на корточки рядом с ними, помешивая отвар длинной лопаткой.

— Это старые сказки, пацан, — мягко сказал я. — В архивных свитках написано, что в мифическую эпоху, До Великого Шва, наш мир был совсем другим. Твердым, сухим, неподвижным. Дома строили из мертвых камней и мертвых бревен. Они не требовали питания, не испытывали боли и не могли заболеть. Но в тех домах не было души. Они не умели защитить своего хозяина.

Я обвел рукой оранжерею, показывая на спящие в глубоких нишах стен костяные наросты.

— Наш мир устроен правильнее. Здесь всё — часть Первого Сущего. И дома в питомниках, вроде этого, рождаются так же, как и все мы. Мастер-селекционер берет костяное се-

мечко — крошечный хрящевой зародыш — и опускает его в ванну, наполненную теплым питательным раствором. Неделя за неделей семя пьет соки, согревается и пускает первые гибкие побеги. Это будущий каркас. Из него формируются несущие ребра здания, протягиваются первые магистральные нервы и капилляры стен.

Мальчишка слушал меня, приоткрыв рот, напрочь забыв про недавний ужас.

— А когда дом подрастает до размеров небольшой комнаты, — продолжил я, протягивая ему ковш с теплым успокаивающим отваром, — его начинают поить густым меловым соком. Стены покрываются плотной, лакированной кожей, появляются мышечные створки затворов. Маленький дом впервые учится дышать, открывать клапаны и узнавать голос своего садовника. Он становится живым. И только тогда его аккуратно, с помощью тяжелых платформ, перевозят на Верхнюю Хорду, чтобы соединить его нервную систему с Хребтом Титана. Это и есть Великий Шов — закон, по которому живой город дышит в унисон с Богом.

Пацан сделал глоток, его веки начали блаженно тяжелеть. Тепло оранжереи и сонный отвар делали свое дело. Он свернулся калачиком прямо на подстилке, укрывшись моим плащом, и через минуту уже тихо, мирно сопел.

Ливия продолжала сидеть неподвижно. Ее левое плечо заметно подрагивало от холода — треснувшее стекло продолжало высасывать жизнь из ее плоти.

— Красивая сказка, домарь, — ее голос прозвучал без прежней стервозности. Он был уставшим. — Жаль только, что Синедрион превратил этот живой союз в конвейер смерти.

Я подошел к ней, достал из сумки баночку с мягким хрящевым клеем и ювелирный костяной скальпель.

— На верху забыли, что дом — это живое существо, инспектор. Там думают, что, если залить Хребет смолой, можно скрыть любую болезнь. Дай сюда руку. Если я не залью трещины клеем прямо сейчас, твой протез развалится до самого плеча при первом же движении.

Ливия секунду колебалась. В ее глазах снова мелькнула холодная настороженность ищейки, но боль оказалась сильнее. Она медленно протянула мне свою руку.

Я бережно взял её за прозрачное запястье. Стекло было ледяным, сквозь него были видны замершие голубые жилы-проводники. Я аккуратно, узел за узлом, начал заполнять глубокую трещину на ее предплечье теплым, пахнущим известью составом. Ливия резко вздрогнула и закусил губу — процедура была чертовски болезненной, клей намертво сшивал стекло с живыми нервными окончаниями на стыке плеча. Но она не издала ни звука, лишь её пальцы правой руки судорожно сжали подстилку.

В этот момент затвор оранжереи издал тяжелый, глубокий вздох.

Я мгновенно перехватил скальпель как оружие. Жнец в

ножнах предупреждающе звякнул, мгновенно просыпаясь. Ливия попыталась вскочить, но я прижал ее к полу свободной рукой.

Мышечные створки входа медленно поползли в стороны. В проеме, на фоне темного сырого коллектора, появился силуэт. Это был не Санитар в маске ската и не каратель Коллегии Безликих.

Внутрь оранжереи, тяжело опираясь на кост

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.